

*Н.И.Лапин,
член-корреспондент РАН,
Институт философии РАН*

Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы¹

К началу нового века кризисно-реформируемая Россия еще не достигла устойчивого состояния, некоторого социокультурного баланса, и продолжает двигаться по траектории социокультурной трансформации. В какой фазе этой траектории находится наша страна сегодня?

Мы не знаем, чем завершится трансформация. Но на сложном ее отрезке, пройденном за последние 15 лет и включающем несколько этапов, все же просматривается некоторый тренд или вектор: это движение от закрытого, мобилизационно-традиционалистского общества к более открытому, пока еще раннелиберальному, во многом "дикому", олигархо- и охлократическому обществу.

Это движение — результат действий множества социальных субъектов: от акторов-индивидов и малых групп интересов, групп давления, деловых и политических организаций до больших социокультурных страт, этнических и территориальных общностей. Все они продуцировали изменения ради собственных, партикулярных потребностей, ценностей, интересов, целей. Однако общая характеристика большинства этих целей заключалась в том, что их можно было достичь, лишь изменив прежний, этатистско-традиционалистский социальный порядок как таковой. Большинство акторов были не способны к такому изменению. Лишь некоторые социальные субъекты или акторы, обладавшие наибольшим, я бы сказал,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 99-03-00076).

Н.И.Лапин, 2001

универсальным или социетальным ресурсом¹, формулировали и осуществляли свои партикуляристские цели как стратегии изменения социального порядка в целом. Именно они стремились вести всю Россию как страну, как общество². Именно они стали носителями новых для российского общества ценностей и норм, *отклоняющихся* от прежних, стали добиваться их легитимации. Именно они инициировали социальный протест, даже мятежи, против прежнего порядка. Результатами стали: anomия, мятеж, катастрофа старого и самоорганизация нового социального порядка.

Еще раз отметим, что подавляющее большинство социетальных новаторов делало все это ради собственных целей, воплощавших их партикуляристские системы ценностей. Когда они теперь говорят: "Хотели, как лучше", то следует понимать, что хотели лучшего прежде всего для самих себя. А когда добавляют, что "получилось, как всегда", то надо иметь в виду, что лучше стало только им.

Те, кто обладали *партикуляристским ресурсом*, в той или иной форме поддерживали мятеж, образуя массовое протестное движение. Большинство их также *"хотели, как лучше для себя"*, но так получилось только у немногих. Для большинства партикуляристов с ограниченными ресурсами результаты мятежа "как всегда" оказались отрицательными.

Тем не менее массовые партикуляристы стали действующими субъектами в социетальном масштабе. Их историческая заслуга состоит в том, что лишь благодаря их активной поддержке и участию актуализировался общий социокультурный кризис советского, а затем постсоветского российского общества как этатистско-традиционалистского.

С середины 80-х до середины 90-х годов прошлого века этот кризис перешел из латентного состояния в явное. Первой явной его стадией стала дестабилизация советского общества. По результатам нашего опроса 1990 г., 55% россиян были *не удовлетворены жизнью*

¹ О понятии социального ресурса см.: Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Настоящий сборник. СЗЮ-318.

О жизненном ресурсе индивида см.: Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.

² В такой практике преодолевается методологическая альтернатива социологического реализма или номинализма. Подтверждается правота П.Сорокина, который еще на опыте революционной трансформации России 1917-1920 гг. пришел к заключению *вопреки номинализму, «общество или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности sui generis оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не "вне" и "независимо" от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов»* [Сорокин П. Система социологии. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 316. Курсив — П.Сорокина).

в целом. На этой почве в прежде стабильном советском обществе впервые началась **инверсия** доминантных пар социетальных процессов.

Прежде всего обнаружилась инверсия влияния в двух парах процессов: конформизм — аномия, адаптация — протест. Влияние левых сторон этих пар, конформизма и адаптации, обеспечивавших воспроизводство прежнего социетального порядка, резко пошло на убыль. Напротив, стремительно стало расти влияние правых сторон данных пар, т.е. получили широкое распространение такие изменяющие процессы, как аномия и протест. Этого оказалось достаточно, чтобы произошла инверсия состояния общества в целом: социетальный порядок был дестабилизирован и трансформировался в явный системный кризис.

В 1991 г. кризис перерос во вторую стадию — острый конфликт. Она продолжалась до 1993 г. включительно. На этой стадии аномия приняла форму ретритизма, а протест стал выплескиваться в спорадические мятежи. Произошла инверсия во властно-управленческой паре процессов: управление сверху уступило место хаотической самоорганизации снизу. Кризис советского общества завершился его катастрофой, угроза которой нависла и над постсоветской Россией, но, к счастью, пока миновала ее.

Итак, в результате действий элитных и массовых акторов в российском обществе 90-х годов стали **доминантными** такие социокультурные процессы, как *аномия, протест, кризис, самоорганизация* (сначала в хаотической ее форме).

Сейчас, на рубеже истекшего и нового десятилетия, происходит **обратная инверсия (реверсия) доминантных процессов**. А именно: протест уже отошел на задний план и уступил место адаптации; аномия сменяется легитимацией новых ценностей и норм; самоорганизация все чаще дополняется целенаправленным регулированием и управлением сверху. В итоге кризис превращается в новый социальный порядок. *Адаптация, легитимация* новых ценностей и норм, *саморегулирование и управление, становление нового социального порядка*, — вот те социетальные процессы, сочетание которых образует **доминантный квартет динамики** российского общества в начале XXI в.

Спонтанными инициаторами нынешнего этапа трансформации стали массовые акторы с партикуляристскими ценностями и целями, обладатели среднего социального ресурса. Они первыми, уже в 1994–1995 гг., изменили свою стратегию: вместо протеста изобрели для себя разные способы адаптации к новым условиям. "Лотошники", "челноки", "вторично занятые" и другие ситуативно, по чисто житейским соображениям, *трансформировали свою энергию протеста в энергию адаптации* к новым, квазирыночным условиям. Пошли на спад рабочее движение, забастовки и другие проявления массового протеста.

Это было полной неожиданностью для большинства аналитиков. Впрочем, результаты нашего исследования динамики ценностей, по-

лученные именно в 1994 г., показали, что процесс социальной адаптации уже "пошел" как новый доминантный процесс¹. Он повлек за собой других, сильно ресурсных акторов, нуждающихся в социетальных стратегиях. Началась легитимация новых ценностей и норм, стали предприниматься попытки регуляции мезо- и макропроцессов. Начала институционализироваться их раннелиберальная ориентация.

В итоге в настоящее время процесс социокультурной либерализации продолжается, но изменились его структура или механизм. Изменились или должны измениться и стратегии акторов, если они хотят действовать успешно. Ядром этих стратегий становятся ценности и цели, позволяющие утвердиться гражданскому обществу, точнее, раннелиберальному *социетальному сообществу* (Т. Парсонс) как своеобразному единству *общности и общества* (Ф. Тённис) или *органической солидарности* (Э. Дюркгейм) в социетальном масштабе.

Это духовно-интегрирующее ядро нового общества вырастает из самоорганизации его членов, объединяющихся в добровольные ассоциации, создающих новые традиции и другие компоненты раннелиберального общества. На основе либерализирующихся ценностей, как высшего уровня нормативного порядка, формируются легитимированная самой культурой шкала престижей, статусов и ролей, сети взаимных доверий членов общества друг другу, индивидуальных и коллективных лояльностей².

Но на пути реализации новых стратегий акторов есть трудно решаемые группы проблем. *Первая группа проблем* связана с инерцией предшествующих этапов, удерживающей многих акторов (часть членов политических элит, работников средств массовой информации и др.) в плену прежних, идеологизированно-антагонистичных стратегий недоверия и конфронтации.

Сохраняются две противоположные стратегии: этатистско-традиционалистская (социалистическая) и радикально-либеральная. Обе они построены на рационалистических основаниях и изначально сформированы как интернациональные. Существенное различие, однако, в том, что практическое воплощение первой (СССР, мировая система социализма) потерпело катастрофу, а вторая существует и развивается несколько столетий. Словом, на данном историческом этапе капитализм одержал победу над социализмом. Но активные идеологические сторонники последнего остались и продолжают отстаивать свои идеи.

Конечно, можно предположить, что постепенно социалистическая ориентация станет маловлиятельной: новые поколения акторов антиквируют ее, а те немногие, кто предпочтут придерживаться прежней стратегии, с высокой вероятностью потерпят неудачу.

¹ См. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: УРСС, 1996.

² См.: Парсонс Т. Ядро: Социетальное сообщество // Парсонс Т. Система современных обществ. М: Аспект Пресс, 1997.

Однако такие ожидания могут и не оправдаться. Дело в том, что характер стратегий акторов зависит не только от рациональных аргументов и политических успехов и поражений настоящего и недавнего прошлого, но и от особенностей культуры общества. В данном случае — от особенностей культуры российского социума как евразийского. С этим связана *вторая группа проблем*.

Когда заходит речь о России как евразийском социуме, то некоторые воспринимают это как принятие идеологии евразийства 20-х годов XX в. В данном случае речь идет совсем о другом: о реальной истории России, испытавшей влияние 300-летнего владычества Золотой Орды; о фактическом геополитическом положении нашей страны на двух континентах; о разнородном культурно-этническом составе ее населения.

С одной стороны, более 80% россиян являются носителями европейской культуры с восточноевропейским, православно-византийским ее оттенком. А, с другой стороны, явно меньшая, но значимая и быстро растущая часть населения страны разделяет ценности и нормы восточноазиатской культуры, стержень которой образуют исламизм, буддизм. Обе культуры тесно переплетены, взаимодействуют и образуют *асимметричный баланс*: по своему влиянию среди всего населения страны они далеко не равновесны, а характер их социокультурных ориентиров противоположен — европейская культура, даже в восточноевропейском ее варианте, ориентирована преимущественно на либерализацию, а восточноазиатская, при всех ее различиях — на традиционализацию.

Но и европейский компонент российской культуры не однороден. Ее восточноевропейский, православно-византийский "оттенок" также является дифференцирующим: одна часть россиян-европейцев идентифицирует свои ценности и нормы прежде всего с традиционными особенностями этого "оттенка" (раньше их называли славянофилами, теперь обычно — националистами); другая часть соотносит свою ментальность прежде всего с тем, что объединяет российскую культуру с общеевропейской (их по-прежнему называют западниками, или радикальными либералами); третья часть сочетает в своем сознании славянско-особенное с общеевропейским и не желает разъединять и тем более противопоставлять одно другому, хотя и не отрицает их различия (назовем их восточноевропейскими либералами).

В целом базовые ценности россиян уже преимущественно не традиционалистские, а рационально-либеральные. Их эволюция в направлении восточноевропейского либерализма продолжается¹. При этом, естественно, большинство россиян, включая часть либерально ориентирующихся, не желают отделять себя от особеннос-

¹ См.: *Лавин Н.И.* Пути России: Социокультурные трансформации. М.: ИФРАН, 2000.

тей своей этнокультурной общности, включая особенности религии, а радикально-либеральные западники, ориентирующиеся исключительно на общеевропейские ценности и нормы, оказываются в явном меньшинстве.

Вместе с тем постепенно вырисовывается связь между основными политическими ориентациями и новыми социокультурными стратами российского общества. Высший слой, обладающий огромной собственностью и/или властью (экономическая и политическая элиты), близок радикальному либерализму в западной интерпретации. Средний слой (не класс), который будем идентифицировать с успешно адаптировавшимися к новым условиям квалифицированными специалистами (преимущественно мужчины, живущие в мегаполисах, крупных и средних городах), тяготеет к восточноевропейскому либерализму. А неадаптировавшийся низший слой ("новые бедные") преимущественно находится под влиянием различных ветвей традиционализма: этатистского, этнического, религиозного.

Таким образом, в российском обществе имеется широкий спектр социокультурных дифференциаций, которые способны длительное время поддерживать различные стратегии акторов трансформационного процесса, в том числе утрачивающие рациональность. Противодествуя либерализму в любых его проявлениях (западном и восточноевропейском), различные течения традиционалистов в целях политической рекламы по многим вопросам могут действовать совместно, что и наблюдается в электоральной смычке этатистских и этнорелигиозных традиционалистов. Радикально-либеральные стратегии западников встречают сопротивление не только всех традиционалистов, но по ряду аспектов и восточноевропейских либералов. Радикальные либералы не остаются в долгу и предоставляют масс-медиа (например, телевизионные) площадки этатистам, лишь бы они дискредитировали "востоколибералов".

В итоге, однако, у радикального либерализма мало шансов на успех в России. Основными акторами становятся восточноевропейские либералы и традиционалисты (три их ветви). Кто возьмет верх? Если бы знать!

Эта сложная социокультурная дифференциация или динамичная асимметрия российского социума как евразийского получает ныне отражение в его социальных, экономических, политических структурах и процессах. В настоящее время базовые функции российского общества осуществляются асимметричными структурами: жизнеобеспечение — смешанной экономикой при чрезмерном влиянии олигархического сектора; интеграция — переплетением культур западного и восточного типов при преобладании западной культуры; дифференциация — разнородными системами стратификации при неразвитости среднего класса; властное регулирование — унитарной федеральной властью в сочетании с многопар-

тийным парламентом, автономией субъектов федерации и либеральными нормами гражданства (фиксирование прав человека в Конституции России). Асимметричны и процессы либерализации: конкуренция не балансируется кооперацией, социокультурная дифференциация — интеграцией социетального сообщества и т.п.

Российский социум в целом предстает как асимметричный. Даже ближайшее его будущее неоднозначно. Достижение восточноевропейского либерального баланса возможно. Но оно предполагает такое *искусство управления*, которое избегает соблазнов упрощения, стремится предвидеть и использовать синергетические эффекты взаимодействия различных социальных субъектов для оптимизации осуществления базовых функций общества, формирования его внутренней консолидации и укрепления позиций в мировом сообществе. Это предполагает *компетентность* и *гражданскую ответственность* акторов, прежде всего универсально ресурсных элит, в том числе деятелей средств массовой информации, одни из которых содействуют, а другие активно противодействуют консолидации нового российского, восточноевропейского либерального общества.

Качества компетентности и гражданской ответственности обязательны для государственных органов как социетальных акторов. Но они не исключают их приверженности тем или иным социокультурным ориентирам. Так, администрация В.Путина, судя по результатам первого года, реализует скорее восточноевропейский вариант либерализма, что и обеспечивает ей высокий рейтинг популярности. Парламент, при всем его разнообразии, в итоге также склоняется к этому варианту. Ориентации судейского корпуса страны в целом остаются неизвестными, но фактически не противоречат ориентациям исполнительной и законодательной ветвей власти. На уровне субъектов федерации представлен весь спектр отмеченных выше ориентиров. Однако, насколько можно судить, в двух столицах также преобладает, со своими оттенками, восточноевропейский либерализм.

Третья группа проблем еще острее. Их суть в том, что рождающаяся гражданская свобода оказалась в тисках между властью как традиционалистским самовластием верхов и вольностью как столь же традиционалистской вседозволенностью низов¹. Это со всей очевидностью свидетельствует о том, что в нашей стране совершается лишь *ранняя* восточноевропейская либерализация: она началась с отмены крепостничества в 60-х годах XIX столетия; затем была прервана рецидивами традиционализации, включая мобилизационные традиционализации советского периода; с середины 80-х годов XX в. возобновилось движение по пути ранней либерализации. В обозримом будущем она может быть институцио-

¹ См.: Латин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном пространстве россиян // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.: МВШСЭН, 2000.

нализирована и в этом смысле завершена. Российское общество станет более открытым, но пока еще полурыночным, начально-демократическим, во многом олигархо- и охлократическим.

В таком качестве оно может стать устойчиво-сбалансированным, но еще не достигнет *зрелой либерализации* в западноевропейском, североамериканском, японском или ином ее вариантах. В отличие от раннелиберального общества, в котором акторы трансформируют его структуры, создавая внешние условия свободы для себя и других граждан, на этапе зрелого либерализма центр внимания переносится на самого *homo activus*, на его роль в изменении существующих и возникновении новых структур, на возможности преодоления наиболее острых форм отчуждения человека.

В России же, с ее обширными и разнородными социокультурными пространствами, ранний восточноевропейский либерализм должен будет одно, два или более десятилетий институционализироваться и совершенствоваться, достигая относительной однородности на всем ее пространстве. Словом, он будет лишь частично соответствовать современным либеральным ценностям Запада.

Плохо это или хорошо? Вряд ли возможен однозначный ответ на данный вопрос. Вернее, вопрос должен быть видоизменен: хорошо или плохо это будет для самих россиян? И тогда возможен такой ответ: хорошо (или плохо) в той мере, в какой положение россиян в своем обществе и во всем мировом сообществе будет соответствовать (или не соответствовать) эволюции ценностей и норм, культуры самих россиян.

Чтобы это соответствие не уменьшалось, а сохранялось и возрастало, требуется гражданская ответственность политических и экономических элит как социетально ресурсных акторов российского трансформационного процесса. Показателями такой ответственности на нынешнем этапе данного процесса можно считать соблюдение простых, но жизненно значимых *стратегических ориентиров*:

не допускать решений, ухудшающих положение слабых слоев населения, обеспечивать постепенное его улучшение;

устранять препятствия развитию инициативы специалистов — людей с высшим и средним специальным образованием, стимулировать повышение качества и расширение масштабов их подготовки, поскольку именно они являются наиболее эффективным экономическим и социально-политическим капиталом страны;

обеспечивать возрастающее давление на граждански безответственных, прежде всего криминогенных акторов, вынуждая их, в том числе экономически, соблюдать правовые и социальные нормы, соответствующие культуре россиян, их базовым ценностям.

Разработка и реализация более сложных ориентиров предполагает интенсивное развитие научных исследований соответствующего круга проблем. Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН намерен продолжить мониторинг

говое исследование "Наши ценности сегодня", осуществляемое с 1990 г. через каждые четыре года, и провести в 2002 г. четвертый опрос-интервью, репрезентативный в масштабах страны. Он позволит уточнить траекторию социокультурной трансформации российского общества в современной ее фазе.

В целом же надо признать, что в стране отсутствует необходимая информационная база для принятия взвешенных решений, учитывающих актуальные социокультурные ориентиры. Решению этой задачи мог бы способствовать междисциплинарный проект **"Социокультурная карта России"**. Предстоит изыскать средства для того, чтобы ученые ряда институтов РАН и других организаций могли разработать критерии социокультурной регионализации страны, определить конкретные показатели, получить необходимые данные, составить собственно "карту" и отслеживать эволюцию ее показателей в мониторинговом режиме.

Использование "Социокультурной карты России" помогло бы формированию ориентиров для действий граждански ответственных акторов.